
В. Я. Петрухин

В. Т. ПАШУТО О ДРЕВНЕРУССКОЙ ПРАКТИКЕ РЯДА

Традиционной проблемой формирования русской государственности остается верификация летописной «варяжской» легенды — имело ли место добровольное призвание князей, или варяжское завоевание. Ранняя летописная формулировка о правлении «по ряду по праву» предполагает наличие договора — «ряда» (В. Т. Пашуто). Археологические данные — появление ранних скандинавских комплексов в городах, упомянутых легендой о призвании варягов (Ладога, Новгород), и распределение монетного серебра на связанных с этими городами речных магистралах — позволяют верифицировать летописные данные о «ряде».

Ключевые слова: государственность, ряд, дань, начальное летописание, русь, варяги.

Более полувека прошло со времени издания коллективной монографии «Древнерусское государство и его международное значение» (М., 1965). Монография знаменовала новый этап в изучении Древней Руси, когда сложные проблемы становления государственности могли обсуждаться с той степенью свободы, которая характеризовала «оттепельные» 1960-е годы. Естественно, авторы опирались на марксистские установки советской историографии, подразумевавшей вызревание классового общества в Восточной Европе второй половины I тыс., сложение на местной основе феодальной («раннефеодальной») государственности в конце этого тысячелетия.

Непреодоленным стереотипом советской историографии в эту эпоху оставался «норманизм» — пресловутый варяжский вопрос. Отрицание роли варягов в формировании Русского государства связано было не столько с марксистским формационным подходом (предполагавшим местные «базисные» основы социального развития)¹ и «буржуазным» антинорманизмом XIX в., сколько с

¹ Историографический парадокс заключался в том, что Маркс, опиравшийся на современную ему историографию, придерживался как раз теории норманнского завоевания Восточной Европы.

наследием шовинистической кампании рубежа 1940–50-х гг., видевшей в летописном «призвании варягов» демонстрацию неспособности славян к созданию собственной государственности.

Традиционные сомнения при исследовании летописной традиции испытывал и В.О. Ключевский²: историк предполагал, что призванные по «наемному договору» о «внешней обороне» варяги, нарубили себе «городов» и создали «варяжские княжества»; он писал о летописном «призвании» как об «очень недурно комбинированной юридически постройке начала Русского государства» (Ключевский 1987. С. 155)³. «Подспудно» скандинавские древности начали интенсивно исследовать археологи и историки в те же 1960-е гг. (ср. историографические обзоры: Клейн 2009; Амальрик 2018), но эксплицитно в официальной науке новый подход предложил Б.А. Рыбаков в «установочном» академическом издании «История СССР». Он справедливо настаивал на невозможности завоевания огромных пространств от Новгорода до Киева: «норманский конунг Олег» обманом проник в Киев; эпизод владычества этого «конунга» составил всего три десятилетия. Адепт «исторической школы» в исследовании эпоса и летописных текстов, Рыбаков не мог просто «отмахнуться» от варяжской легенды: он нашел ее «исторические» основы в легенде о призвании англосаксов, занесенной на Русь с беженцами из англо-саксонской Англии (Гидой Гаральдовной) и, стало быть, не связанной с русскими историческими реалиями (Рыбаков 1996. С. 476–573).

Принципиально иной подход к этим реалиям продемонстрировал В.Т. Пашуто. Он исследовал социальную терминологию древнерусских памятников: едва ли не центральным термином в его исследовании оказывался «ряд» — обозначение договора князя с вольным (вечевым) городом, все население которого («весь Киев», «людие вси» и т.п.) он обязывался судить по «Правде».

² Великий историк традиционно относился к представителям «дворянско-буржуазной норманистской историографии» (Шаскольский 1965. С.40).

³ В общем сходную позицию занял Б.А. Рыбаков, усматривавший в Новгородском городище, Гнёздове под Смоленском, летописным Угорском под Киевом *станы*, где обосновались варяги, которые не могли захватить русские города (см. к историографии проблемы — Петрухин 2019. С. 161–180). Польский академик Х. Ловмянский, придерживавшийся в работе 1957 г. официозных установок антинорманизма, признавал реальность утверждения на Руси (в Новгороде и Киеве) скандинавской династии, подчеркивая ее «нейтральность»: опытность в «торговых делах» и «организации походов» делала норманнов полезными как для внешних отношений, так и во внутренних конфликтах (Ловмянский 1985. С. 207 и сл.).

Таким образом, исследованию подлежали не отдельные термины и сюжеты, а *структура* текстов, связанных с характеристикой древнерусского государственного права. Из этих текстов, осторожно писал В. Т. Пашуто, «неизбежно следует, что призвание варяжских князей (если верить летописи) частью земель — членом конфедерации должно было заставить этих пришельцев признавать юридические условия, в определенной мере гарантирующие вечевые права местной знати и ее опорных центров — возникших городов» (См. переиздание упомянутой работы 1965 г. в: Пашуто 2011. С. 63). Пашуто признавал вероятность привнесения легенды о призвании варягов англо-саксонскими беженцами — дружиной Гиды (Там же. С. 184 и сл.).

Сходную позицию заняли исследователи Новгорода, считавшие вечевые порядки исконными, восходящими к родоплеменному праву: «В отличие от норманистских теорий, возводящих установление правопорядка на Руси к призванию варяжской династии, мы видим в истории Новгорода победу традиционной, растущей из местных корней государственности над княжеской, ее бóльшую жизнестойкость и обладание более сильными возможностями» (Колчин, Янин 1982. С. 112). В последующих работах В.Л. Янин развил эти представления, опираясь на данные археологии, прежде всего на открытие скандинавских («княжеских») комплексов на Городище, древнейшем регионе Новгорода, который прямо увязывается с резиденцией призванных варягов: «обстоятельство, превращающее то, что признавалось легендой и тенденциозной выдумкой норманистски настроенного летописца, в достоверный факт истории» (Янин 2004. С. 74)⁴. Даже «формирование государственного бюджета» возводится В.Л. Яниным к прецедентному договору с Рюриком, заключенному в момент его приглашения союзом (ср. конфедерацию в терминах В.Т. Пашуто) северо-западных племен.

⁴ Замечу, кстати, что возведение летописного текста варяжской легенды к «реалиям», в частности, к предполагаемому В.Л. Яниным «синойкизму» — возникновению Новгорода из объединения нескольких городов, поставленных разными племенами, изгнавшими варягов, не всегда учитывает общую тенденцию летописания. В НПЛ последовавшие неурядицы — «всташа градъ на градъ» — явно представляют не специфику новгородской истории, а парафраз популярного в раннесредневековой хронистике библейского сюжета, связанного с установлением правопорядка праведным царем Асой (2. Пар. 15.6): без этого правопорядка — заключения *завета* со Всевышним, «народ будет сражаться с народом (ср. вариант ПВЛ — *В. П.*), и город с городом» (См.: Петрухин 2018б. С. 120–125).

Проблемой оставалась эта «растущая из местных корней государственность», ибо, по характеристике Янина, в эпоху формирования варяжской резиденции на Городище, «на месте Новгорода не поселился ни один житель» (Янин 2004. С. 74). Эту проблему автохтонной государственности в более широком восточноевропейском контексте стремился решить и В. Т. Пашуто, настаивая на политической, а не этнической значимости объединений, называемых в летописи «племенами»; показательно, что представления о политических «племенных конфедерациях» на севере и юге Руси формировались в полемике с осторожными археологическими построениями И. И. Ляпушкина, не видевшего в племенных княжествах древлян и других славян «государственных образований» (Ляпушкин 1968; Пашуто 2011. С. 167–176; Петрухин 2018а). Напомню, что полемика о славянских «политиях» и значении понятия «Славинии» у Константина Багрянородного, начавшаяся с подготовки первого издания трактата «Об управлении империей» (готовился для основанного В. Т. Пашуто «Свода древнейших источников по истории народов СССР» с 1970-х гг.), продолжается по сей день⁵.

Одна из последних работ В. Т. Пашуто посвящена была изданию в 1985 г. книги почитаемого им польского слависта Х. Ловмянського «Русь и норманны». Книга «Проблемы роли

⁵ На значимости Славиний особенно настаивал Г. Г. Литаврин (см., в частности, комментарий 21 к главе 9: Константин Багрянородный 1991. С. 317), подчеркивавший при этом, что термин является ранним книжным византийским конструктом (отэтнонимическим по аналогии со Скифией). У Константина Багрянородного в середине X в. термин перенесен на земли, подвластные формирующейся при Пипине империи Каролингов: сыновья Пипина «господствовали над всеми Франгиями и Славиниями» (Там же. С. 107–108); соответственно в 9 главе, посвященной Руси («росам»), Славинии означают «трибутарные» области «пактиотов» — древлян, дреговичей, кривичей, северян и прочих, к которым «все росы» зимой отправляются из Киева в полудье. Напомню, что движение данников и данщиков было встречным: с наступлением весны славяне с подготовленным для осыпки русских моноксил лесом направляются к Киеву и там *продают* лес росам (Там же. С. 45–47, ср. комментарий автора и Е. А. Мельниковой на С. 316). Этот «обмен услугами» характерен для ранних «трибутарных государств»: «пакт» — дань, которая, согласно трактату Константина Багрянородного, выплачивалась властям после конфликта в результате переговоров (ср. договор о пакте между Пипином и вентиками — Там же. С. 108–109), соответствует летописному сюжету о князьях, призванных «володеть» «по ряду по праву».

См. также о Славиниях: (Горский 2004. С. 20–35). Ср. о *Res publica* и частном дележе добычи/дани в варварских германских государствах (История частной жизни 2017. С. 496 и сл.).

норманнов в сложении славянских государств» была издана в Польше в 1957 г. и, естественно, нуждалась в редакции и подробном комментировании. Трудам Ловмянского по истории народов Восточной Европы посвящена вступительная статья В. Т. Пашуто. Комментарии были составлены автором и Е. А. Мельниковой. В 1985 г. ощущались уже послабления в цензурном надзоре с позиций официозной советской историографии, и в комментариях можно было затрагивать «болезненные» проблемы призвания варягов и даже скандинавского происхождения имени *русь*⁶.

Так или иначе, в 1990-е гг., когда возможно стало открытое обсуждение спорных проблем русской истории, Е. А. Мельникова и автор опубликовали работы, посвященные проблемам договора «ряда» в становлении государственности и месту легенды о призвании варягов в формировании древнерусской историографии (Мельникова, Петрухин 1991; 1995)⁷. Термин «ряд» в редакциях варяжской легенды, включая претендующую (со времен А. А. Шахматова) на наибольшую древность новгородскую летопись (НПЛ. С. 106): «князя поищемъ, иже бы владѣль нами и *рядиль* ны по праву». Развернутая формулировка дана в Ипатьевской летописи, где требуется, чтобы призванный князь «рядиль по ряду по праву» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14). Эта тенденция, проявившаяся в позднейшей — третьей по Шахматову редакции ПВЛ, позволяет поставить под сомнение историчность конструкции «ряда» с призывающими племенами. Показательно, что исследователи игнорируют проблему «ряда» в монографии, прямо продолжающей тематику книги «Древнерусское государство» (Горский, Кучкин, Лукин, Стефанович 2008; ср. о новгородской гипотезе В. Л. Янина: Лукин 2014. С. 58–59) и даже в статьях, предвещающих переиздание работ В. Т. Пашуто (Пашуто 2011. С. 5–26). Общим местом для скепсиса в отношении историчности описываемых в призвании событий остается легендарность

⁶ В том же году Ленинградским университетом издана была книга Г. С. Лебедева «Эпоха викингов в Северной Европе», значительная часть которой была посвящена «варягам на Руси» и проблемам, затронутым в комментариях к книге Ловмянского.

⁷ Е. А. Мельникова в специальной работе (Мельникова 2011. С. 249–256) подчеркнула сходство договорных отношений с норманнами на Западе (прежде всего в Англии) и на Руси. Параллели показательны, тем более что в собственно древнерусской (да и скандинавской, представленной сагами) традиции Северная Европа — единый культурный и политический регион. Другое дело, что система коммуникаций на Западе Востоке была принципиально различной: отсюда *викинги* (норманны) на «морском» Западе и *русь* на «речном» Востоке (см. Петрухин 2017. С. 202–208).

(неверифицируемость) самого призвания или «нарративность»/ неисторичность начального летописания в целом (Стефанович 2012. С. 570; Толочко 2015).

Более определенные возражения связаны с пониманием самого термина «ряд», означающего не договор, а порядок, восстанавливаемый призванными варягами после конфликта с ними и нового призвания; особая отмеченность ряда в Ипатьевской редакции традиционно относится к позднему редактированию (Флоря, Турилов 2009. С. 38–39; Петрухин 2018а). Но во всех редакциях призванные князья должны рядить *по праву*, отражающему требования призывающей стороны, что не может исключать договоренности: термин *ряд*, как показал В.Т. Пашуто, как правило, употребляется в летописных контекстах, связанных с конфликтами города и князя (Словарь древнерусского языка 2013. С. 541 и сл.).

Давно поставленные проблемы касаются *в первую очередь* летописной текстологии. Лаврентьевская редакция ПВЛ (ПВЛ. С. 13) не знает термина «ряд» в варяжской легенде: призванные князья должны «судить по праву», и в этом отношении отличается от цитированной редакции НПЛ, отражающей, как считается, первоисточник текста легенды — т.н. Начальный свод. Здесь и возникают давно отмеченные сложности: Лаврентьевская редакция не знает города, который стал резиденцией призванного Рюрика. Упоминание Новгорода восстанавливается по более поздним спискам (ПВЛ. С. 404; ср.: Гиппиус 2007; Вилкул 2008). Древнейшей версией варяжской легенды остается ипатьевская, согласно которой три князя «придоша къ словѣномъ пѣрвѣ . и срубиша город Ладогу . и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрикѣ», и лишь затем, по смерти братьев, Рюрик «пришед къ Ильмерю и сруби город надъ Волховом и прозваша и Новгород и сѣде ту княжа» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14)⁸.

Исследователи Ладоги отстаивают ее приоритет как «древней столицы» (Ср.: Мачинский 2002; Кирпичников, Сарабьянов 2013): ранние городские напластования Ладоги относятся к середине VIII в.; все этнические компоненты, участвующие в призвании варягов, обнаруживаются в ладожских древностях. В.Л. Янин допускает «кратковременную остановку» Рюрика в Ладоге на волховском пути к Новгороду (для смены морских судов

⁸ Этой редакции следовал в упомянутом построении Ключевский.

на плоскодонные гребные), настаивая на мифичности мотива основания Рюриком Новгорода (Янин 2007. С. 208); добавлю, что и Ладога существовала задолго до летописного призвания. Проблема в том, что понимать под летописным «сруби» — если речь идет просто об укреплении существующих поселений, то города не были основаны Рюриком, а укрепление или даже поселение на *Городище* (топоним и означал укрепленное поселение) могло *восприниматься* как основание Новгорода. Понимание древнейшей истории этих городов, инициаторов «ряда», во многом зависит от дальнейших раскопок⁹.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Амальрик А. А.* Норманны и Киевская Русь / Науч. публикация, предисловие и комментарии О. Л. Губарева. М., 2018.
- Вилкул Т.* Ладога или Новгород? // *Palaeoslavica*. 2008. XVI/2. P. 272–280.
- Горский А. А.* Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004.
- Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С.* Древняя Русь: Очерки политического и социального строя / Отв. ред. А. А. Горский, В. А. Кучкин. М., 2008.
- Гиппиус А. А.* Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 213–220.
- История частной жизни / Под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. М., 2017. Т. 1: От Римской империи до начала второго тысячелетия. Пер. с франц.
- Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога: Первая столица Руси. СПб., 2013.
- Клейн Л. С.* Спор о варягах: история противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991.
- Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / Под ред. Б. А. Колчина и В. Л. Янина. М., 1982. С. 3–137.
- Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. / Под ред. В. Л. Янина. М., 1987. Т. 1.
- Ловмянский Х.* Русь и норманны / Пер. с польского. Общая редакция В. Т. Пашуто, В. Л. Янина, Е. А. Мельниковой. М., 1985.
- Лукин П. В.* Новгородское вече. М., 2014.

⁹ См. последнюю работу о раскопках на Городище, возглавлявшихся Е. Н. Носовым (Носов, Плохов, Хвошинская 2017).

- Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. (МИА. №152). Л., 1968.
- Мачинский Д.А.* Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша: Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2001 г. СПб., 2002.
- Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. М., 2011.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ, 1990 год: Материалы и исследования. М., 1991. С. 219–229.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000 // ПСРЛ. Т. 3 (репринт издания под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950).
- Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвоцинская Н.В.* Рюриково Городище: Новые этапы исследования. СПб., 2017.
- Пацуто В.Т.* Русь. Прибалтика. Папство: избранные статьи. (ДГ, 2008 год). М., 2011.
- Петрухин В.Я.* Русь в IX–X вв.: от призвания варягов до выбора веры. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2017.
- Петрухин В.Я.* К полемике о договорных отношениях и начале древнерусской государственности // Stratum plus. № 5. 2018. С. 131–142. (а)
- Петрухин В.Я.* «Начаша владѣти сами собѣ и *городы ставити*»: археология и источники варяжской легенды // Земли родной минувшая судьба...: к юбилею А.Е. Леонтьева / Отв. ред. А.В. Чернецов. М., 2018. С. 120–125. (б)
- Петрухин В.Я.* Русь христианская и языческая. СПб., 2019.
- ПВЛ — Повесть временных лет. СПб., 2007.
- ПСРЛ Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
- Рыбаков Б.А.* Киевская Русь // История СССР с древнейших времен до наших дней / Гл. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1966. Т. 1. С. 476–573.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / Гл. ред. В.Б. Крысько. М., 2013. Т. X.
- Стефанович П.С.* «Сказание о призвании варягов», или *Origo gentis russorum*? // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 514–583.
- Толочко А.П.* Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015.
- Флоря Б.Н., Турилов А.А.* Общественная мысль Древней Руси в эпоху раннего средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2009. С. 31–80.
- Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. Л., 1965.

Янин В. Л. Средневековый Новгород. М., 2004.

Янин В. Л. О начале Новгорода // У истоков русской государственности / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб., 2007. С. 205–212.

Vladimir Ya. Petrukhin

VLADIMIR T. PASHUTO ON THE OLD RUSSIAN PRACTICE OF
A TREATY-RJAD

The traditional problem of formation of the Russian statehood is the verification of the annalistic “Varangian” legend — whether there has been a voluntary calling the princes in, or a Varangian conquest. Early Chronicle formula “to rule and judge according to the Rjad and Law” implies the existence of a treaty-*rjad* (V. T. Pashuto). Archaeological evidence — the emergence of early Scandinavian complexes in the cities mentioned in the legend of the calling-in of the Varangians (Ladoga, Novgorod) and the distribution of silver hoards along these cities river roads allow to verify the Chronicle’s data on the *rjad*.

Keywords: Old Russian State, *rjad*, tribute, the *Primary Chronicle*, Rus’, Varangians

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-42-50